ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

№ 156 (1804)

Орган Министерства культуры СССР и Центрального Комитета профессионального союза работников культуры

Четверг, 31 декабря 1964 года

Цена 3 коп.

Интервью

Кончается 1964 год. Какое самое яркое событие произошло в культурной жизни вашей республики? — такой вопрос задали корреспонденты «Советской культуры» министрам культуры союзных республик.

Р. ХАЧАТРЯН,
министр культуры Армянской ССР

— Мне хочется отметить и выделить событие, которое вылилось у нас во всенародный праздник. Я говорю о неделе эстонского искусства. Наша республика превратилась тогда в гигантские театральные подмостки, радушно предоставленные нашим братьям. Артисты и самодеятельные коллективы Эстонии разъехались по всей республике. Да это был праздник, другого, более точного определения, пожалуй, не подберешь. Праздник дружбы народов нашей родины!

М. КУРБАНОВ,
министр культуры Азербайджанской ССР

— Самое яркое событие, говорите вы? Конечно, неделя русского искусства, проведенная у нас накануне большого юбилея — 150-летия присоединения Азербайджана к России. Встречи с прославленными актерами, музыкантами, писателями, художниками Москвы, Ленинграда и других русских городов незабываемы. И не только потому, что мы воочию познакомились с талантливыми мастерами искусств земли русской, но и потому, что встречи эти еще раз показали, как неизменно тепло, с какой поистине братской любовью относятся друг к другу народы нашей страны.

М. МИНКОВИЧ,
министр культуры Белорусской ССР

— Самое замечательное, яркое событие 1964 года — это, конечно, творческий смотр белорусской оперы и балета в Москве, в Кремлевском Дворце съездов. Мы внимательно, по-деловому прислушались к критике представленных на этом смотре работ. Но мы унесли с собой из столицы и вдохновляющее впечатление от тех высоких оценок, которыми по достоинству были отмечен талантливый труд маститых мастеров и творческой молодежи республики.

А. ДВАЛИШВИЛИ,
зам. министра культуры Грузинской ССР

— Трудно, очень трудно выделить какое-либо событие многогранной культурной жизни республики и сказать: вот оно, самое яркое. Впрочем такое событие есть, но несмренно, может быть, о нем говорить, так как речь пойдет о нашем успехе в Москве. Об успешных гастролях нашего оперного театра. Для всех нас это было большой радостью. Каждый спектакль проходил при переполненных залах. Москвичи горячо аплодировали нашим актерам. И что особенно ценно — мы все время чувствовали, что наш успех воспринимался москвичами, как собственная победа, как победа всего советского искусства.

Л. ГАЛИМЖАНОВА,
министр культуры Казахской ССР

— Самым крупным и запоминающимся событием в культурной жизни республики была декада русской литературы и искусства в Казахстане, проведенная минувшей осенью.

Необычайно широкой оказалась орбита декады: Деятели русской литературы и искусства выступали в Алма-Ате, Караганде, Усть-Каменогорске, Целинограде, Актюбинске, Чимкенте, на заводах, шахтах, рудниках, в колхозах и совхозах. Многие десятки тысяч тружеников Казахстана присутствовали на спектаклях и концертах, читательских и зрительских конференциях. А если учитывать телезрителей и радиослушателей, то эта цифра возрастет в десятки раз. У нас выступали первоклассные коллективы братской России. Наши гостями были самые яркие звезды советского искусства.

К. КОНЧУДАЛОВА,
министр культуры Киргизской ССР

— Размышляя об уходящем годе, мне хотелось назвать одно событие. Оно примечательно тем, что знаменует собой рождение новой традиции.

В сентябре, когда начался театрально-концертный сезон, мы провели массовый праздник искусства. В субботний вечер на площадях и в парках г. Фрунзе состоялись выступления творческих коллективов перед трудящимися. Артисты оперного, драматических театров и филармонии, учащиеся музыкально-хореографического училища исполняли сцены из спектаклей, любимые киргизские, русские, украинские песни и танцы. Видные композиторы, художники, драматурги, режиссеры рассказывали о своей работе, делились планами на будущее.

Праздник искусства, вынесенный на площади и парки, привлек десятки тысяч рабочих, служащих, студентов. Он наглядно продемонстрировал, какими крепкими узами связаны мастера искусств с народом, как горячо любят свое искусство.

Отныне праздник искусства в нашей республике станет традиционным. Он будет проводиться ежегодно осенью, когда открываются двери театров и концертных залов.

НАСУЩНЫЕ ВОПРОСЫ МУЗЫКАЛЬНОГО ТЕАТРА

К итогам работы объединенного пленума правлений союзов композиторов СССР и РСФСР и художественного совета по музыке Министерства культуры СССР

ЗАКОНЧИЛ работу объединенный пленум правлений союзов композиторов СССР и РСФСР и художественного совета по музыке Министерства культуры СССР, посвященный насущным проблемам советского музыкального театра. Это было одно из самых представительных совещаний в области музыкального искусства за последние годы. Достаточно сказать, что в работе объединенного пленума принято участие несколько сот деятелей искусств — композиторов, музыковедов, творческих работников музыкальных театров.

Несколько неопределенно, точнее, слишком широко сформулированная повестка дня неизбежно обусловила то, что на этом творческом форуме разговор пошел очень о многом и подчас уклонялся во второстепенные частности. Но важно другое: пленум остро вскрыл недостатки, мешающие дальнейшему успешному развитию советской оперы, балета, оперетты. В процессе обсуждения докладов Б. Ярустовского, М. Чулаки и А. Чернова все ярче выкристаллизовывались те наиболее существенные проблемы (как творческого, так и организационного порядка), решение которых не терпит отлагательства.

Наиболее остро стоял на пленуме вопрос об опере. Острота эта вызвана самой жизнью. Если в балете и оперетте советская тема давно уже прочно заняла ведущее место, то на оперной сцене образы наших современников по сравнению с другими жанрами искусства — все еще редкие гости. Значительная часть опер советских авторов, числящихся в репертуаре, написана на сюжеты, далекие от советской действительности. Кроме того, к сожалению, приходится констатировать, что нередко советские оперы именно числятся в репертуаре, лишь считанное число раз в течение сезона появляясь на театральной афише. В сезоне 1963 года, сообщил в докладе Б. Ярустовский, из 201 репертуарного названия 105 принадлежало советским авторам. Цифра радующая! Однако расшифровка ее наводит на тревожные размышления. Из всех опер С. Прокофьева на сцене шли лишь 4, из них 2—в одном театре. Только в Москве и Риге ставится «Катерина Измайлова» Д. Шостаковича, в Москве и Кишиневе—«В бурю» Т. Хренникова; 8 раз в сезоне по всей стране были показаны «Декабристы» Ю. Шапорина, 4 раза прозвучала «Семья Тараса» Д. Кабалевского. В чем же дело? Ведь речь идет в данном случае о первоклассных произведениях, чей авторитет у слушателя весьма высок.

Закономерен в немалой степени был в процессе обсуждения повесткою дня крен в сторону вопросов организационно-творческого характера. Конечно, перед советской оперой немало стоит и чисто творческих проблем. Решение образа современного положительного героя, поиски нового интонационного языка, новых соотношений ариозного и речитативного начал, взаимосвязи с иными видами искусств, явственно ощутимая жанровая бедность (композиторы, в частности, крайне мало пишут камерных психологических опер, опер-новелл, комических и сатирических опер, несложных опер, доступных для исполнения самодеятельными коллективами), симфоническая и вокальная драматургия оперной партитуры, опора на классику и активно-новаторское осмысление ее традиций, современный музыкальный быт, его участие в формировании оперного языка... Вновь и вновь подымались эти вопросы на широком творческом форуме деятелей советского музыкального театра.

Но в то же время остро шла речь и о другом: об инертном, равнодушном отношении ряда театров к советским произведениям, об отсутствии в стране экспериментальной базы для сценического воплощения новых опер (ведь эксперимент, поиск в этом сложном жанре играют особую роль), о плохой работе со зрителем (планомерная настойчивая пропаганда художественно-ценных новых спектаклей, указывалось неоднократно на пленуме, в большинстве городов практически отсутствует) и о многих иных наболевших проблемах, разрешение которых требует разного рода организационных мер.

Советская опера есть. Она уже имеет славную историю. Не один десяток опер советских авторов выдержал испытание временем. У нас есть уже такие великолепные образцы совершенного мастерства в труднейшем синтетическом жанре музыкального искусства, как «Война и мир» С. Прокофьева, «Катерина Измайлова» Д. Шостаковича. Названные в качестве вершинных достижений советской оперы докладчиком Б. Ярустовским сочинения эти много раз справедливо приводились участниками прений в качестве образцов высокого поучительного мастерства. И о многих других художественно-значимых оперных сочинениях на пленуме неоднократно возникал интересный разговор. Много говорилось, в частности, об опере В. Мурадели «Октябрь». Некоторые ораторы указывали на несовершенства этого произведения. Возражая им, главный режиссер Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова Р. Тихомиров подчеркнул в своем выступлении, что нельзя закрывать глаза на то, что в опере «Октябрь» большая значительная тема воплощена средствами простой, яркой, демократической, глубоконациональной музыки. Зритель принял ее, почувствовав в этом сочинении биение пульса Великого Октября.

Кстати говоря, в связи с оперой В. Мурадели необходимо остановиться еще на проблеме вокального образа. Очень много нового и ценного дали для углубленной разработки ее оперы Прокофьева и Шостаковича. Но немалый вклад внесла сюда с помощью совсем иных средств и партитура В. Мурадели. Ее органичнейшая вокальность, исполнительская удобность, немеханическая «выпрыгнистость» заслуживают пристального изучения, особенно, коль скоро иметь в виду, что именно создание вокального образа является одной из проблем, стоящих перед советской оперой. На то, что проблема эта весьма актуальна, указывал ряд авторитетных участников пленума. Композитор Э. Капп подчеркнул, что опера — это прежде всего торжество вокала. Опера, лишенная ярких мелодических образов, не может найти живой отклик у слушателя, сказал композитор Ю. Мейтус. Об этом же говорили композитор В. Трамбицкий, главный режиссер Пермского театра оперы и балета И. Келлер и другие ораторы.

Но дело не только в том, что многие композиторы недостаточно хорошо знают специфику человеческого голоса, ограниченно, а подчас и неверно используют его богатейшие выразительные средства (немалую роль играет здесь, указывалось на обсуждении, неверная система воспитания композиторов в стенах консерваторий, при которой работе над вокальными жанрами уделяется недопустимо мало внимания). В свою очередь оперные певцы, будучи с первых лет обучения музыке воспитаны на музыке прошлого, во всяком случае, как правило, не позднее конца XIX века, плохо понимают творчество многих советских авторов. Интонационная сфера, скажем, опер Прокофьева им нередко кажется непривычной, насыщенной неоправданными исполнительскими трудностями. Очевидно, поиски форм тесного творческого содружества певцов и композиторов — задача настоятельно необходимая.

ХУДОЖЕСТВЕННО полноценное сценическое воплощение советской оперы зависит от многих факторов. Здесь важна роль каждого участника и авторского, и постановочного, и исполнительского коллективов. Остро встал на пленуме вопрос о работе оперных либреттистов. До сих пор и создание советских опер за единичными исключениями не удалось привлечь видных писателей и драматургов. Устойчивых кадров оперных либреттистов-профессионалов у нас почти нет. Их нигде не готовят. Не этим ли, в частности, следует объяснить преждевременную «сценическую смерть» чрезвычайно интересной и талантливой по музыке оперы Р. Щедрина «Не только любовь». Многие участники пленума высоко оценивали музыку этой оперы, отмечали ее новаторский язык, основанный в основном на творческом развитии интонаций современной русской песни-частушки, и в то же время с горечью констатировали драматургические слабости либретто этого сочинения.

У оперного спектакля в отличие от драматического два художественных руководителя — дирижер и режиссер. Естественно, вопрос их творческого содружества неизменно оказывается одной из центральных проблем оперного исполнительства. За последние годы он дебатировался художественной общественностью очень активно. Характерно, что в широком обсуждении проблем советской оперы, предпринятом «Советской культурой» за последние три года, вопрос этот затрагивался не один десяток раз. Б. Ярустовский в своем докладе заметил, что дирижер, к сожалению, в последнее время стал малозаметной фигурой в музыкальном театре. В работе же режиссеров наметились две опасности. Первая — стремление к внешней зрелищности, вторая, связанная с традициями современной режиссуры в драматическом театре, основана прежде всего на использовании иной техники, условном сценическом оформлении. Разумеется, и то, и другое имеет право на существование. Но режиссура, постановочное решение всегда должны основываться на музыкальной драматургии партитуры. «Все слишкомое в оперном театре пропадает выразить действие, в все видимое — музыку», — напомнил слова знаменитого немецкого режиссера Вальтера Фельзенштейна Б. Ярустовский. К сожалению, этой органической связи музыки — слова — действия — сценического оформления иной раз недостает постановкам советских опер. И, видимо, нужно не спорить о том, что важнее — музыка или действие, кто главнее — дирижер или режиссер, а стремиться в каждом отдельном случае к такому творческому содружеству руководителей спектакля, которое оказывалось бы максимально эффективным для наиболее полноценного художественного воплощения замысла композитора, образной драматургии созданной им партитуры.

БОЛЬШЕ и острее всего говорилось на пленуме об оперных проблемах. Это естественно уже потому, что в балете и в оперетте в принципе решен вопрос о воплощении современной темы. Советский репертуар прочно главенствует там не один десяток лет. Образы наших современников давно живут и на балетной, и на опереточной сцене.

М. Чулаки в докладе, посвященном советскому балету, заметил, что в настоящее время правильному развитию балета мешают две противоположные тенденции: это натурализм, с одной стороны, и формализм — с другой. Авторы, отдающие дань натурализму, воплощают свои идеалы в постановках, копирующих жизнь «так как она есть». Они множат бытовые пантомимные спектакли, напоминающие пьесы без речей, в которых танец играет второстепенную роль и, как правило, носит ремесленно безликий характер. Вторые, то есть сторонники формального подхода, наоборот, культивируют аллегорические зрелища, насаждают действия вне времени и пространства, воссоздают героев без лиц и характеров.

Существенную роль здесь играет работа балетмейстеров. И не случайно проблема хореографического воплощения балетной партитуры заняла большое место в творческой дискуссии, развернувшейся на пленуме. Участники обсуждения говорили о малочисленности балетмейстерских кадров, о том, что пора наконец принять действенные меры

(Окончание на 3-й стр.).

Новости СК

СЕМНАДЦАТИЛЕТИЕ БРАТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

17 ЛЕТ НАЗАД, в канун Нового года, в Бухаресте была провозглашена Румынская Народная Республика. Тот Новый год открыл румынского народа — эпоху социального равенства и справедливости; эпоху невиданного расцвета экономики, культуры, науки, искусства.

За эти годы республика сумела занять достойное место в семье социалистических народов. Советские люди, поздравляя румынских братьев с Новым годом и славной годовщиной, желают им дальнейших успехов в социалистическом строительстве.

В предпраздничные дни в Москве был подписан план культурного и научного сотрудничества между Советским Союзом и Румынской Народной Республикой на 1965 год. Этот план предусматривает дальнейшее расширение культурных и научных связей между нашими странами. Согласно плану в Москву приедет балетная труппа Бухарестского театра оперы и балета. Во многих городах нашей страны будет показана выставка румынского декоративного и прикладного искусства. Советские любители эстрады вновь смогут насладиться ярким и радостным искусством Бухарестского эстрадного оркестра.

В Румынии побывают такие наши прославленные коллективы, как Ленинградский театр комедии под руководством Н. П. Акимова, кукольный театр Сергея Образцова, камерный оркестр под управлением Рудольфа Баршая и другие. В дни национальных праздников наших стран в СССР и Румынии будут проводиться недели культуры. В эти дни советские и румынские граждане глубже ознакомятся с трудом, бытом, образом жизни друг друга.

Подписанный план содержит множество интересных пунктов, в которых говорится о сотрудничестве в области науки, народного образования, здравоохранения, кино и телевидения, об обмене художественными коллективами и солистами, о творческих контактах между союзами писателей, художников, журналистов СССР и Румынии. Этот документ, подписанный накануне дня республики, является одним из свидетельств нерушимой дружбы между нашими народами, вступающими в новый год социалистического и коммунистического строительства.

Языком плаката

В Государственном музее Революции открылась выставка революционного плаката и афиш Республики Куба. Выставка подготовлена Министерством культуры СССР и Национальным советом по культуре Кубы. Здесь представлены интересные работы художников Янеса, Боша, Кальвино и других.

ДВУХЛЕТКА КУЛЬТУРЫ

В МАГНИТОГОРСКЕ произведена закладка крупного здания кинотеатра со зрительным залом на 1.200 мест. Рядом развернулось строительство самого крупного в городе спортивного комплекса. Эти первые объекты магнитогорской культурно-бытовой двухлетки (1965—1966 годы) вступят в строй в будущем году.

ТРУДЕН ПУТЬ К ВЕРШИНАМ

СЕГОДНЯ без минуты двенадцать упадет последний листок календаря старого года. Пройдена еще одна ступенька к заветной мечте. Взята еще одна вершина.

Спросите их, тех, кто штурмует заснеженные кряжи, кто идет на разведку в заснеженные кряжи Чукотки, кто стоит за станком и склоняется над партитурой новой оперы, у тех, что еще неопытной рукой берет первые ноты... Спросите их — и, перефразируя слова известного поэта, они ответят вам: «Да, путь был труден. Тем больше наша слава».

Эти снимки взяты нами с выставки Фотокорреспондента «Известий» Константина Толстикова. Его нет с нами за праздничным столом — он погиб, выполняя свой скромный журналистский долг. Но по всей стране сотни и сотни воспитанных им людей поднимут в новогоднюю ночь бокалы — за трудный и славный путь к вершинам коммунизма.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Указом Президиума Верховного Совета СССР за большие заслуги в развитии советского музыкального искусства и в связи с шестидесятилетием со дня рождения композитор Дмитрий Борисович Кабалевский награжден орденом Ленина.

Указом Президиума Верховного Совета СССР за большие заслуги в развитии советского театрального искусства присвоено почетное звание народного артиста СССР главному режиссеру Ярославского театра им. Ф. Г. Волкова Шишигину Фарсу Ефимовичу.

удачи года

ВЗЛЕТ

ЕЩЕ ОДНА советская ракета взлетела в 1964 году. На этот раз ее запустили скульптор Файдыш-Крандиевский и архитекторы Барщ и Колчин.

Символично, что к месту запуска новой, искусством сотворенной ракеты ведет проспект Мира. Уже с Крестовского моста открывается ее стреловидный взмах. Вам навстречу поднимаются «грани» газового облака, мгновенно застывшего в металле.

Стометровая высота монумента в честь освоения советским народом космоса могла стать высотой поэтической, вымеренной уже не метрами, а впечатлениями миллионов зрителей лишь потому, что образ его выношен, как вынашивали ученые и инженеры идею и конструкцию спутников и космических кораблей.

Михаил Осипович Барщ, Александр Николаевич Колчин, Андрей Петрович Файдыш-Крандиевский десять лет назад начали работать над памятником Циолковскому. В дни, когда в Калуге шло обсуждение проекта и скетчиков смущала ракета, поставленная рядом с фигурой Циолковского, за проект «проголосовало» сообщение ТАСС о создании межконтинентальных баллистических ракет.

Калужский учитель, внешне, казалось бы, столь несложный с величием дела, им начатого, раскрылся в памятнике человечно и героично.

Теперь он первым встречает нас у подножия московского монумента. Он изображен сидящим, он вырублен из гранита, но видишь человека-мечту, и читаешь в жесте его и осанке властную мощь управления полетом.

А ракета — та, о которой спорили в Калуге, — взлетела.

Заставить ее взмыть в небо, придать всем очертаниям монумента стремительную легкость было, вероятно, не из много легче, чем преодолеть земное притяжение. Требовалось прилежно вникать в суть космических событий и вместе с тем давать простор художественной фантазии. И однажды...

Знакомясь с историей создания монумента, понимаешь, сколько понадобилось поисков, совместных обдумываний, споров, эскизов общих и каждой части памятника. До той минуты, когда в воображении явился счастливый образ, над выстраданный отсчет творческого времени: «Остался год... месяц... час...».

— И однажды как-то сразу сделалась эта штука, — показывает Андрей Петрович на эскиз высотной части монумента.

Найденный образ победил в конкурсе, на который представили почти тысячу проектов. Но и у победителей оставались трудные задачи — художественные, инженерно-технические. Электронные машины помогли рассчитать размеры титановых панелей, образующих «хвост» ракеты. А подняли его на тросах с помощью двух опорных мачт.

18 августа 1964 года. Подъем был так плавен и тих, что работники радио, приехавшие «записать» событие, изумлялись: «Но где же скрип лебедок?! Дайте нам шумы!».

Вдоль боковых стен стилобата скульптор поместил многофигурные композиции. Как после полета космического корабля, мы, пережив его старт и посадку, начинаем всматриваться в облик и характер космонавтов, задумываемся над масштабами труда ученых, инженеров, рабочих — так монумент открывает нам образы творцов космических побед. Каждый образ (а тут двадцать девять фигур!) принадлежит к нынешним дням — и эти два оператора, и девушка с микрофоном, и ученый, и конструктор.

Впечатления от современных, технически совершенных предприятий с их четкостью, сосредоточенностью труда многих людей сказались в разработке фона (радиотелескоп, счетно-решающие устройства), в ритмике повторенных движений, в их общей нарастающей силе...

Вы заканчиваете осмотр и подытоживаете впечатления. Главный вывод: усилиями архитекторов и скульпторов «сделано» трудно преодолимое противоречие. Ведь монумент — это статика, а надо было повторить самый дерзкий и стремительный рывок — с Земли в космическое пространство.

А у трех авторов новые замыслы. Они впервые встретились и принялись за совместную работу (памятник героям гражданской войны на Дальнем Востоке) семнадцать лет назад. Они считают не помехой, а преимуществом разницу в возрасте на 10 и 15 лет, и то, что один (Колчин) был учеником, другого (Барщ — профессор архитектурного института). Монумент, открытый в Москве в 1964 году, означает, что они успешно совершили совместный творческий полет.

Нового счастливого взлета вам, друзья!

И. РОТИН.

Как взлетают ракеты монументалистов, скульптору не трудно объяснить собеседнику-космонавту.

«Космические братья» — А. Колчин, М. Барщ и А. Файдыш-Крандиевский.
Изонутка А. ГОЛОВЧЕНКО.

И У НАС ЦИРК!

К НОВОМУ ГОДУ жители Иркутска получили великолепный подарок — здание цирка.

Все впечатляет в этом здании. Но, конечно, главное в нем — увенчанный парящим куполом зал, вмещающий 1.750 зрителей. Двести мощных прожекторов освещают арену, в высоко над ней смонтирована система механизмов для подъема актеров и аппаратуры.

Просторный вестибюль, охватывающие зрительный зал полукольцом кулуары-фойе, днем залитые солнечным светом (это особенно хорошо для детских утренников), удобные артистические. Первый этаж служебной пристройки отведен «цирковой гостинице». В ней «номера» для слонов и лошадей, тигров и львов, собак и птиц...

Первое представление, по укоренившейся в нашей стране хорошей традиции, было дано в честь строителей этого замечательного сооружения. Маляр Елена Козырева и плотник Николай Ващенко торжественно вручили дирекции цирка ключ от него и паспорт на вечное владение. В большой и разнообразной программе, подготовленной под руководством режиссера Н. Соколова-Цергалева, показали свое искусство воздушные гимнасты М. Петрова и С. Разумов, дрессировщики Н. Ермаков с веселым номером «Собачья школа» и А. Корнилов с группой слонов, гимнастка Г. Гуламова, эквилибристы, акробаты...

И. Смоктуновский и А. Вертинская в фильме «Гамлет».

удачи года

Кадр из фильма «Тишина». В. Конова в роли Сергея Вожникова и Л. Лужина в роли Нины.

Интервью

В. КАУПУЖ,
министр культуры
Латвийской ССР

— Уходящий 1964 год отмечен небывалым количеством гастролей в Латвии выдающихся коллективов и исполнителей нашей страны. В республике побывали вахтанговцы, Ленинградский театр комедии, Центральный театр кукол под руководством Образцова. Недавно на сцене Академического театра драмы Латвийской ССР выступили восемь актерских ансамблей, представлявших лучшие драматические театры Азербайджана, Грузии, Киргизии, Литвы, Молдавии, Российской Федерации, Украины, Эстонии.

Культурная жизнь Латвии в 1964 году проходила под знаком дальнейшего укрепления дружбы народов, взаимообогащения национальных культур.

Ю. БАНАЙТИС,
министр культуры
Литовской ССР

— Мне вспоминаются незабываемые дни республиканского праздника песни школьников в Вильнюсе.

Это было не только красивое, но и величественное зрелище, когда 24 тысячи школьников с юношеской искренностью принесли в Вильнюс приветствия из всех уголков республики.

Этот праздник имел особое значение, как прелюдия к республиканскому празднику песни 1965 года, который посвящается 25-летию Советской Литвы.

Уже сейчас подготовка к республиканскому школьному празднику песни, в котором во всех городах и районах республики примут участие 200 тысяч школьников, явилась замечательной школой эстетического воспитания детей.

П. ДАРИЕНКО,
министр культуры
Молдавской ССР

— В октябре минувшего года наш народ отмечал 40-летие Молдавской Советской республики и Коммунистической партии Молдавии. Это событие ознаменовалось смотром профессиональных и самодеятельных коллективов, достойным завершением которого был большой концерт в Москве, во Дворце съездов. В ходе подготовки к празднику был проведен республиканский конкурс на лучшую современную пьесу. Из 64 пьес, представленных на конкурс, три в этом сезоне пойдут на сценах театров Молдавии. Это комедии Г. Малярчука «Лучший парень», А. Маринката «Остановите планету» и драма Н. Савостика «Стихийное бедствие».

Р. БАБИЙЧУК,
министр культуры УССР

— 1964 год у нас в республике начался как год Шевченко. 150-летию со дня рождения великого Кобзаря были посвящены драматические и оперные спектакли, симфонические и хоровые произведения, конкурсы чтецов, музыкантов и певцов. Осенью прошел фестиваль «Днепровские зори». Конец года был отдан искусству самодеятельному — был смотр народных театров и сельских талантов республики.

Но среди всего этого потока событий главное не отдельные факты, не отдельные премьеры, пусть даже очень удачные, не отдельные музыкальные или живописные произведения — важнее всего та положительная тенденция, которая вырисовывается из суммы всех событий. А заключается она в общем росте мастерства как профессионального, так и самодеятельного искусства, в поисках современной темы, современного героя.

Мне кажется, что 1964 год был хорошей стартовой площадкой, с которой украинское искусство будет двигаться вперед.

З. РАХИМБАБАЕВА,
министр культуры
Узбекской ССР

— Вся работа учреждений культуры и искусства Узбекской ССР в 1964 году была направлена на достойную встречу юбилея республики. Театры и концертные организации провели много различных мероприятий, показывающих достижения искусства в Узбекистане. Театры республики выпустили более ста новых спектаклей местных авторов и драматургов братских республик. Среди них такие значительные, как «Песнь Хорезма» Юсупова, «Семург» Бреусина, «Кровавый мираж» Азимова, «Тополем мой в красной косынке» Алтматова и другие.

С большим творческим отчетом выезжали в Москву театры имени Мукими и имени Хамзы, Театр оперы и балета им. Навои гастролировал в Ленинграде и Москве.

В Москве состоялся показ узбекского искусства, который вылился в большой национальный праздник культуры нашего народа.

СЛЫШИТЕ БЬЁТ ДВЕНАДЦАТЬ

В живописнейшем уголке западной Грузии — в Гурии, где я родился, бытует традиция, сохранившаяся с далеких времен. Следуя этой традиции, дед мой, перед тем как сесть за новогодний стол, выводил из комнаты всех мужчин от мала до велика на открытый балкон. Через некоторое время мы подходили к запертой двери. У каждого в руках какой-нибудь предмет — символ того, что он желал больше всего в будущем году. В комнатах нас ожидали женщины с зажженными свечами и сладостями. Дед трижды стучал в двери и говорил:

— Откройте нам.

В ответ слышался голос бабушки:

— Кто идет?

— Новый год, — дедушка говорил очень серьезно и торжественно.

Что несет он? — спрашивала бабушка.

— Мир и счастье, зиму со снегом, весну в цветах, лето с ясным солнцем, щедрую осень, отяжеленную обильными плодами.

И только после этого бабушка распахивала двери, мы с шумом садились за стол, и тамада начинал новогоднюю трапезу.

Вспоминая эту старую, добрую традицию накануне Нового года, я невольно представил моих друзей и коллег — кинематографистов, стоящих на пороге будущего. Перед нами еще закрытые двери, которые распахнутся, как только пробьет двенадцать.

Стол, собравший кинематографистов, огромен. И особенно приятно, что за ним немало талантливой молодежи. Она по праву занимает почетные места. Смотрите, это их творения — «Сказ о матери», «Я шагаю по Москве», «Состязание», «Тени забытых предков», «Белый караван», «Живет такой парень», «Зной», «Отец солдат». Вместе с картинами молодых — «Гамлет», «Живые и мертвые», «Тишина» и много других талантливых работ. Разве перечтешь все по-настоящему хорошие произведения, про которые можно сказать: «Они остаются людям».

И, зная, сидя за таким столом, мне хочется поднять бокал за успехи советской кинематографии, пожелать моим друзьям новых творческих побед.

Много сделано в 1964 году. Советские фильмы обошли экраны мира. Они рассказали о самом прогрессивном, гуманном искусстве, цель которого — подлинное служение человеку. Они завоевали любовь многих народов. Ведь в каждом из лучших фильмов уходящего года — смелость, дерзание их авторов, новизна почерка и стиля, серьезность поставленных проблем и оригинальность их кинематографического решения.

Конечно, не все сделанное — шедевры. Да и нельзя создавать одни только шедевры. Искусство — сложное и трудное дело, и не всем сразу покоряются такие вершины, как Казбек и Эльбрус. Случается, не хватает дыхания. А вот, чтобы взобраться на Шат-гору, его достаточно.

На просторах нашей необъятной Родины происходят чудеснейшие события. В далеком Тюменском крае бесстрашные люди открывают богатейшие месторождения нефти. У подножия Саянских гор человек решил перекрыть трехкилометровое ущелье и сказать сильной и своенравной реке Ингури: «Стой, послужи на благо людям!». Отважные космонавты готовятся к следующему прыжку в космос... События и свершения страны за год 64-й грандиозны. Начав их перечислять, рискуешь не кончить до Нового года. К сожалению, этого не произойдет, если называть значительные кинопроизведения года о рабочем классе, о колхозном крестьянстве. Приходится признавать, что таких фильмов было мало, очень мало, и не всегда они оказывались значительными...

Ну что ж, значит, есть над чем потрудиться в будущем году. И, когда оглядываешь новогодних гостей, видишь — есть кому потрудиться!

Перебирая сегодня в памяти дела прошедшие, я не могу не сказать несколько теплых слов в адрес многонационального советского киноискусства. Немало хороших фильмов, отмеченных на кинофестивалях и не отмеченных на них, но заслуживших уважение зрителя и внимание критики, выпустили Украинская, Белорусская, Узбекская, Казахская, Грузинская, Армянская, Азербайджанская, Таджикская, Эстонская и другие республики.

Наступающий 1965 год приближает нас к большим историческим датам — 50-летию Советской власти и 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. И уже сегодня забота каждого художника, наша общая забота — в меру своих творческих возможностей отразить величие нашей эпохи, гуманизм, душевную красоту, свойственные советскому человеку, героическое прошлое и не менее героическое настоящее нашей Родины.

Я заканчиваю свой тост. Слышите — бьет двенадцать! С Новым годом, друзья!

Сико ДОЛИДЗЕ,
народный артист
Грузинской ССР.

удачи года

«ДАЧНИКИ»

Спектакль «Дачники» в постановке Б. Бабочкина, несомненно, один из интереснейших спектаклей минувшего сезона. Давно уже мы не видели на сцене Малого театра такого сильного актерского ансамбля, такого цельного по мысли сценического произведения. Велика животворная сила драматургии Максима Горького — уже в который раз в трудную для творческой жизни Малого театра минуту помогает она его обновлению, раскрывая в актерах новые творческие возможности, обостряя их гражданское чувство.

Пафосом страстной, взволнованной мысли Горького, силой его ненависти и любви пронизан этот спектакль.

Поначалу сценическое действие с его тщательно отыгранными паузами, с подробнейшей разработкой деталей течет размеренно, неторопливо, сонно нехотя. Но постепенно все с большей силой захватывает нас его внутренняя динамика, целеустремленность режиссерской мысли и воли, которая, подобно раскручиваемой пружине, ведет за собой действие. Взрывчатая сила спектакля, сила его эмоциональной убедительности, неопровержимость его логики заставляют нас стать страстными единомышленниками автора и театра.

Бабочкин довел остроту конфликтов пьесы до предела, раскаленные чувства и страсти ее персонажей — до точки кипения. Два лагеря русской интеллигенции, стоящих на противоположных идеологических позициях, сталкиваются в борьбе острой, непримиримой, не знающей компромиссов, в борьбе не на жизнь, а на смерть.

Лагерь самодовольных, озлобленных обывателей, страшных своей зоологической ненавистью ко всему, что способно потревожить, нарушить их сытое, слепое, бездуховное существование, возглавляет инженер Суслов (его играет Б. Бабочкин). Этот худощавый, лысеющий, желчный человек с усталым, помятым лицом, на котором застыло выражение брезгливого презрения, умен и зол. Он иронически относится к напыщенному и туманному красноречию, за которым его единомышленники — Басов, Шалимов, Рюмин — прячут свой эгоцентризм, свою филистерскую философию, ненависть к демократии. Уж Суслов-то не собирается скрывать от окружающих, что он обыватель, и только. Жить ему совсем невесело, этому опустошенному, циничному, во всем извращающемуся человеку без будущего, поправшему свое прошлое. И оттого, что он умен и сознает свое бессилие и свою обреченность, ненависть Суслова к тем, кто, подобно Марии Львовне, верит в народ, в его будущее, знает пути к этому будущему, становится особенно яростной. Идейная и эмоциональная кульминация спектакля — сцена, в которой Суслов в приступе злой истерии выкрикивает в лицо Марье Львовне свое кредо воинствующего обывателя. Суслова — Бабочкина словно прорвало. Куда девалась его вечная сдержанность, презрительное равнодушие, пустой стеклянный взгляд? Он бледен, он вдохновен, глаза его горят. Его распирают, душат, его мучают бессильная ярость, злоба, ненависть к этим... расплывшуюся фигуру, с первых звуков этого сдобного голоса, этих мурлыкающих интонаций мы попадаем в плен огромного актерского обаяния Анненкова, и одновременно в нас возникает инстинктивное недоверие к каждому слову этого добродушного, слишком ласкового барина. Я не знаю, каким образом достигает актер такой потрясающей силы «обратного эффекта». Быть может, чуть лишку заботы в его беспокойстве о жене или больше, чем нужно, ласковости в его проповедях спокойного, внимательного идейным, к тем, кто требует от него ответа, кто взывает к его демократическому прошлому, кто покушается на его сытое благополучие, кого бы он, будь его воля, сломил, растоптал, уничтожил, стер в порошок. Суслов — Бабочкин захлебывается, ему не хватает слов, и, наконец, этот взрыв бессильной ярости и злобы заканчивается нервическим судорожным канканированием, где уже в почти непристойных телодвижениях изливается его ненависть к Марье Львовне, Власу и всем, кто с ними. Актер проводит эту сцену на огромном драматическом подъеме. Он страшен и омерзителен в своей наглой и циничной откровенности, этот Суслов, будущий душитель революции, убежденный враг всего честного, передового, человечного в человеке.

И здесь, когда Суслов сбрасывает маску поступленной сдержанности, еще раз обжигает мысль Горького: ряженые — вот кто эти люди.

Мысль о ряженых, прикрывающих красивыми фразами «сгнию ложь, пошлость, нищету своих мыслей и развратт чувств», пронизывает всю пьесу Горького. Но режиссер сумел донести ее до нас в сценических образах огромной сатирической силы.

Вот адвокат Басов в блистательном исполнении Н. Анненкова. В пьесе он даже вызывает нашу снисходительную улыбку — этот добродушный, мягкотелый «злодей невинный», как его называет Двоеточие. В спектакле же Басов — это духовный брат Суслова, социально опасный тип, опасный особенно потому, что прячет свое лицо под маской прекраснодушного либерала, мягкого жизнелюба и вселенского миротворца. Он действительно любит жизнь, этот адвокат Басов, он относится к ней, как гастроном к севрюжине с хреном, он упивается, обжирается ею. С первого взгляда на это сытое, гладкое, лоснящееся довольством лицо, на эти детски-голубые, слишком чистые, слишком честные глаза, на всю уютную, чуть отношения к людям, или слишком уж незлобиво-добродушно проповедует он постепенную в «пределах возможного» эволюцию жизни, но из всего этого вырастает необыкновенно живой человеческий характер и одновременно типический образ интеллигентного пошляка и хама. Режиссер и актер безжалостно срывают последние лохмотья видимости «либерального интеллигента» с Басова в сцене его пьяных разглагольствований в третьем акте. Басов Анненкова в венке из цветов, напевающий чувствительные романсы, льющий слезы пьяного умиления над своей любовью к многострадальной России, изъясняющийся в нежнейших чувствах к человечеству, страшен, противен и бесконечно смешон.

Один из самых сильных сатирических образов спектакля — Рюмин в исполнении Никиты Подгорного. Этот близорукий, растерянный, интеллигентного вида молодой человек в пенсне и бархатной, как у художника, тужурке так искренне тоскует по светлой гармонии и утраченной красоте мира, что еще немного — и мы бы его пожалели. Но режиссер и актер не позволяют нам этого. Он такой же ряженый, как и Басов, этот Рюмин. Чувства его и страдания выдуманы, и Подгорный дает нам это почувствовать.

Вот Рюмин в поэтическом трансе со слезами на глазах и в голосе предельно доверительно кается Варваре в своем отступничестве от идейных стремлений молодости. Голос его звенит, глаза устремлены в небо, он парит, он вознесся... И вдруг стремительный скачок вниз, в прозу. «Вы видите, как искренне я говорю?», — озабоченно спрашивает Рюмин, выйдя на минуту из роли. (Вдруг Варвара не оценит его доверия и его огромных переживаний). А потом опять на пафосе: «Не лишайте меня радости быть искренним». И этот момент столкновения контраста выспренности и деловитой будничности дает удивительный комический эффект, развенчивает окончательно в наших глазах поэтические воспарения «красивенького» философа, раскрывает пустопорожность его болтовни, надуманность страданий, преувеличенность чувств.

Лагерь ненавистных Горькому «ряженых», «дачников» своей отчизны, оставляющих после себя на земле мусор да грязь, страшная сила и цепкость мещанства, пошлости, обывательщины показаны режиссером и театром с огромной сатирической силой, крупно, художественно убедительно и театрально ярко. Спектакль «Дачники», такой целеустремленный идейно, цельный по замыслу и воплощению, богат актерскими удачами. Играют ярко, щедро, в лучших традициях Малого театра почти все исполнители. Здесь нет пустых ролей и пустых мест.

Для меня явился открытием комедийный острохарактерный талант Г. Куликова, которого мы привыкли считать актером лирико-драматического плана. Доктор Дудаков—Куликов весь какой-то взъерошенный, растерянный, всецело поглощенный бесконечными заботами и вечной нуждой, обалделый от ежедневной бессмысленной служебной суеты, глупости начальников, домашних неурядиц и тем не менее сохранивший верность честным убеждениям молодости, — да ведь это целый пласт в жизни дореволюционной русской интеллигенции, это многострадальное семейство со всем хорошим и плохим, что в нем было. И какой это живой, жизненно конкретный, комический и трогательный одновременно человеческий характер! И с какой силой бьет этот характер все в ту же цель, указанную автором и режиссером: даже лучших, нужных, полезных Родине людей, честных тружеников обволакивает, замордовывает, сбивает с толку мир «дачников», растлителей и потребителей жизни—вот мысль, которую несет доктор Дудаков—Куликов.

В спектакле Малого театра есть то главное для мысли пьесы, без чего не может она звучать в полную силу (и одновременно самое трудное для каждого театра),—это отличные исполнительницы труднейших ролей Варвары и Марьи Львовны.

Большая удача театра и исполнительницы Е. Солодовой — характер Марьи Львовны. Это умная, волевая, собранная женщина — человек убежденный, преданный народному делу, до конца верящий в его победу, мыслящий оригинально, свежо, самостоятельно. Она видит перед собой цель в жизни, понимает, что «дачники» мешают ее осуществлению, глубоко презирает их и со страстным гневом, убежденностью бичует их трусливое бегство от жизни, предательство интересов народа, из среды которого они вышли, их угодливое служение денежному мешку. Ничего ненужного, резонерского нет в длинных монологах Марьи Львовны — Солодовой. Спорит она с радостной убежденностью, азартно. И от сцены к сцене вырастает перед нами характер женщины твердой, идейной и одновременно мягко-женственной в выражении своего позднего чувства, глубоко страдающей. Веришь, что такая Марья Львовна, какой ее играет Солодова, может силой своей убежденности, своего характера заставить Власа, Варвару, Калерию поверить в правильность и необходимость избранного ею пути, пойти с нею одной дорогой.

И Варвара — Р. Нифонтова со всей ее мягкой женственностью и красотой — человек волевой, мыслящий, пытливо ищущий выхода. Она жадно всматривается в лица окружающих, она хочет услышать хоть одну честную мысль, сказанную искренне, от души, но ничего не находит в Шаламове, Рюмине, Басове, кроме лжи, пошлости, обмана. Тот взрыв ненависти и негодования, которым разражается в последнем акте всегда тихая, сдержанная, мягкая Варвара — Нифонтова, подготавливался исподволь. Но теперь решение ее уйти и начать чистую, новую, трудовую жизнь бесповоротно.

Нам кажется остросовременным пристрастное, личное отношение, ненависть советского художника Бабочкина к воссозданному им в спектакле миру бесчеловечной, хамской обывательщины, в которой гибнет все светлое и живое. Стяжательство, лицемерие «дачников», их чуждость народу, ненависть к революции разоблачаются в этом спектакле безжалостно, осмеиваются зло, уничтожающе. Сатирическое начало спектакля — основная его доминанта. Но одновременно в спектакле сильно звучит оптимизм Горького, его вера в обреченность и гибель плевел, засоряющих землю, в победу и торжество светлого начала жизни. Тема передовой русской интеллигенции, в близости и единении с народом, в борьбе за народное дело обретающей свое будущее, решается театром тоже крупно, в характерах сильных, значительных, способных бороться и победить мир сусловых и шалимовых.

И в этом гармоническом сочетании сатирического и утверждающего начал — принципиальная удача всего творческого коллектива, и еще одно свидетельство глубинного понимания Малым театром природы горьковской драматургии, ее органической близости искусству старейшего русского театра.

Т. КНЯЗЕВСКАЯ.

НАМ ПИШУТ

А ФИЛЬМ-ТО ХОРОШИЙ!

Уважаемая редакция!

Может быть, то, что я пишу, не очень новогодне, но мне кажется, об этом можно говорить и накануне праздника.

Ведь дело касается нового, талантливого фильма, созданного на Киевской киностудии им. А. П. Довженко. Собственно, фильм еще не вышел на экраны. Я видел его случайно на одном из просмотров, так что широкий зритель с ним не знаком.

Но критик, критик уже начеку. Он схватил авторучку в готов поразить ею любого недоброжелателя картины. Они рисуются в его воображении. «Нетрудно предположить скептические ахи и охи, — пророчествует он. — Будет, может, и тоскт какого-нибудь подмышинного лоботряса в задних рядах...». Чудится критику и «гражье двух-трех болванов»...

Он за фильм. Он защищает фильм. Он подсознательно дает понять, что фильм ему нравится. Он хочет, чтобы и зрителю он понравился, старается увлечь зрителя, рассказав ему о достоинствах, характерных особенностях, о сильных, удачных, ярких моментах нового произведения. Но как он это делает!

То вдруг критик заявляет, что новый фильм «мудро труб», то он пишет: «фильм о странном», то говорит о его полемичности. Полемичен «по отношению к скудости, к искусственной рациональности технократического мышления, возводящего культ современных знаний в степень нового языческого мировоззрения, — этому язычеству XX столетия он противопоставляет веселый хаос красок, буйство страстей, переливающиеся через край чувства».

Вот как. Сразу и не поймешь мудреного языка и глубокомысленных обвинений нашему бедному мышлению.

Под конец критик провозглашает «фильм агитационный» и тут же утверждает: «смотреть его будет трудно». Завершись профессиональными достоинствами фильма, он, однако, все достижения сценаристов, режиссера, художника, актеров приписывает некоей камере.

Эта таинственная камера «изучает музыкой». Она «нервно вскрикивает или доверчиво шепчет нам слова», эта камера «бывает и строга, и деликатна, но она никогда не бывает химически чистенькой».

Критик не забывает уточнить, о каких именно деликатных вещах откровенничала с ним камера: «Камера говорит и о том, что у нас, людей, есть не только душа, но и грешное тело». Вот уж, действительно, сделал открытие.

Искусство оператора в фильме несомненно интересно. Но, правда же, фильм требует другого, четкого и ясного анализа, а не словесных упражнений субъективного, да простит меня критик, большого воображения.

Рассказывая о фильме, критик не ограничивает себя какими-либо рамками. Его палитра безгранична — от Адама и Евы до мира элементарных частиц. И все же, прочитав статью, трудно, невозможно даже приблизительно представить себе, что же это за фильм.

Опубликовано все это в виде заметок о фильме «Тени забытых предков» в «Комсомольской правде» от 27 декабря с. г. Автор Владимир Турбин.

Я начал свое письмо с того, что картина «Тени забытых предков» — талантливая, по-настоящему интересная, дающая обильный материал для плодотворных размышлений, даже для дискуссий. И уж никак не с пьяными из заднего ряда.

По-моему, статьи, подобные этой, способны только затуманить восприятие искусства, а не помочь зрителям. Больше того, они вызывают настороженность и сомнение в фильме, которого еще, по существу, никто не видел.

Мне более чем непонятно, как можно публично говорить о произведении, которого зритель еще не знает. Ведь таким образом невозможно вступить в спор равноправным его участником.

Всеволод ВОРОНКОВ,
старший инженер-энергетик
института ГПИ-1.

МОСКВА.

25 ПРЕМИЙ

Всесоюзный конкурс новых аттракционов закончен. Жюри присудило 25 премий за проекты крупных стационарных, сложных механизированных, передвижных и малых аттракционов. Самыми оригинальными и веселыми признаны три: «Веселый диск», «Олимпийские кольца», «Футбольный тир». Их авторам — конструкторскому отделу ейского завода «Аттракцион», москвичам Ю. Славгородскому, В. Павлову и Д. Орловскому из Ивантеевки присуждены первые премии.

В январе в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького в Москве откроется выставка работ, отмеченных жюри. А после выставки чертежи поступят на заводы, и, будем надеяться, новый год принесет и новые аттракционы в наши парки.

31 декабря 1964 года

Три вакансии для теней

Новогодняя шутка

Ну и денек! Только что вернулся из театра. Внутри у меня играет, поет и — не преувеличу — пляшет. А за дверью трещит телефон. Поздравления, поздравления... Сегодня была премьера. А после премьеры — овации. Нет, не овации, а какое-то неистовство! Занавес открывали сто один раз. Вызывали всех, даже меня. Директор театра, кланяющийся со сцены... Вот жизнь!

Вы удивлены? Я не преувеличиваю, у меня вот и поговорка появилась: преувеличу, я ничуть не преувеличиваю... Итак, овации не утихают, ни один человек не уходит из зала. Актеры уже устали от поклонов, просят закрыть занавес. Закрывают. Тишина. Восемьдесят одну секунду в зале стоит мертвая тишина...

Так закончился год. А всего таких вечеров было один, два, три, четыре... двадцать четыре. Больше нельзя. Тех, кто увлекается премьерами, теперь по головке не гладят. Скажете, маловато все же? Зато премьеры одна лучше другой. А пресса какая! Спросите у меня: что такое рутинальная рецензия в газете? Отвечу откровенно: извините, право, забыл...

Телефон не умолкает. Кто это так старается? Включаю видеоаппарат. С экрана мне кивает вихрастая голова директора театра «Современник, чем современнее». А, веселый Костя!

— Поздравляю, Вася! — как-то непривычно хмурясь, говорит он. — Слышал, слышал. Занавес сто один раз... Неплохо. Скоро меня догонишь. Я к тебе с просьбой. Выручай! — Он еще больше хмурится. — Возьми у меня пьесу — современная, злободневная, высокохудожественная. Глубина философской мысли, великолепный язык. А роли какие!..

Тут мне придется произнести слова, которые вы не раз от меня услышите. Слова эти — с тех пор как... Итак, с тех пор как в театрах решена проблема репертуара, с тех пор как покончено с проблемой режиссуры, с тех пор как в труппе заполнены все вакансии героинь и героев-любовников с тех пор лица директоров — само сияние. Поверьте, я ничуть не преувеличиваю!... А тут вдруг хмурое лицо моего коллеги.

— Понимаешь, я подвел автора, — продолжает, между тем, Костя. — Взял у него деньги, взял пьесу, а поставить не могу. На будущий сезон мне утвердили всего двадцать премьер. Выручай!..

Вас, разумеется, удивило выражение: «Взял у него деньги». Не удивляйтесь! Это не оговорка. С тех пор как (опять эти слова!) мы стали задыхаться от избытка драматургического материала, взаимоотношения театра с авторами изменились в корне. Не мы автору, а он нам уплачивает крупную сумму за постановку его пьесы. Исправлена наконец вопиющая несправедливость! В самом деле. Театр вкладывает труд и ценности, чтобы превратить пьесу в спектакль. Театр приносит автору славу и доходы (в виде отчислений от сборов), да еще гонорар платит? Кончилось это!

А Косте помочь не удалось. Но что я мог сделать, если сам не знаю, куда девать отличнейшие вещи...

Да, был денек! Как вспомнишь, голова идет кругом. С утра вызвали в управление культуры. Была взбучка. Какие-то педагоги написали жалобу на Джульетту — Настю Иванову: «Играет она бесподобно, почти гениально. Но ведь актриса — совсем девочка! У ребенка — и такая страстная любовь. Во-первых, неправдоподобно. А во-вторых, непедагогично...». В управлении стыдили: куда смотрят твои гримеры? А гримеры ни при чем — не успели перекрыть: раньше они постигали искусство молодить наших героинь, а теперь времена другие — делай их постарше! С тех пор как (видите, снова эти слова!) наши театральные школы стали выпускать семнадцатилетних героинь и восемнадцатилетних героев, подобные недоразумения не редкость. Поверьте, я ничуть не преувеличиваю.

Прощай, ушедший год, год радостей и забот! Однако кто-то еще звонит... На экране улыбающееся лицо. Это Борис, директор «Сверхбольшого камнехудожественного театра».

— Василий, новый «Крокодил» читал? — не без ехидства спросил он.

— Не успел, — в сердце у меня екнуло. — А что?

— Полюбуйся, как тебя разукрасили. Но ты действительно хорош. За весь декабрь не показал ни одного классического спектакля, ни одной зарубежной пьесы. Увлекся, братец, нашей драматургией, а Льва Толстого — за борт! Нехорошо!..

Ну и денек! Благодарение богу, что наконец он позади. Кстати, не забыть бы подготовить объявление в «Советскую культуру». Вчера взяли расчет и уехали в Заволжье три последних наших таланта. Теперь можно завершить комплектование труппы. Не буду откладывать, напишу сейчас же. Вот так: «...Театр объявляет конкурс на замещение вакансий: героинь — 1, героев-любовников — 2. Заявления от мастеров и талантов не принимаются. Нужны только тени».

Вот жизнь!..

Я. РЫНКИН.